

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Здесь ‘созревший, годный’ как ‘окрашенный (в соответствующий цвет)’,ср. подобное в russk. *диал. бронеть* ‘светлеть, отливать желтоватым, серым, красным цветом’, ‘созревать’, укр. *броніти* ‘зреть’ и рус.-цслав. *бронъ* ‘белый’, польск. *brony* ‘гнедой’, др.-чеш. *brony* ‘белый’, рус. *броный* ‘белый, светлый’, возможно, и др.-инд. *bradhnas* ‘рыжеватый, буланый’ (Фасмер I, 217, 220).

²⁴ О продолжениях основы **k̥rsn-* в новоиндийских языках со значением ‘сажа’, ‘копоть’, ‘грязь’ см. Норманская Ю.В. Указ. соч., 144.

²⁵ Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. Пер. с англ. / Ред., предисл. и примеч. В.Н. Ярцевой. М., 1954, 72.

²⁶ Etymologisches Wörterbuch der Deutschen // W. Pfeifer etc. Bd. 1–2. Berlin, 1993. Bd. 1, 323–324. Рассмотренное отражение в языке пересечения понятий “пестрый” и “цвет” может дополнить типологию “пестрого”, предложенную в работах Л.Г. Невской (ср. Невская Л.Г. К типологии пестрого в балто-славянском // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии, категория посессивности. М., 1986, 84–90).

²⁷ Норманская Ю.В. Указ. соч. 56–57, 64; наличие “двойного” цветообозначения дает основание автору предположить, что в санскрите и латинском область красного и черного цветов членилась не так, как в других древних индоевропейских языках (Там же, 40).

²⁸ Норманская Ю.В. Указ. соч., 162–163.

²⁹ Михайлова Т.А. Кровь на снегу // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1996. № 2, 49, 51–52.

³⁰ Подробнее об этом и ссылки в выше названной работе Т.А. Михайловой.

А.Ф. Журавлев

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СЛАВЯНО-ИРАНСКИМИ СЕМАНТИЧЕСКИМИ ПАРАЛЛЕЛЯМИ (SLAVO-OSSETICA)

Статья 2

Предлагаемая статья, охватывающая осетинский лексический материал в алфавитном диапазоне от *l* до *s*, является продолжением работы “Из наблюдений... Статья 1”¹ (от *a* до *k'*) и может рассматриваться как семантический комментарий слависта к “Историко-этимологическому словарю осетинского языка” В.И. Абаева. Характер и приемы разбора данных сохраняются в прежнем виде. Параллели, отмеченные самим В.И. Абаевым, не затрагиваются.

lasyn | lasun... (дигор.) ‘скисать’, ‘свертываться’ (например, о крови) (Абаев II, 14–15). См. в первой статье серии² (о глаголе *2axsyn | axst*).

læbygyn | læbygyn... ‘расползаться’ (о ткани, также о ссадине на коже) (Абаев П, 17). Соединение преверба *ræ-* (из иран. **fra-* < и.-е. **pro-*; Рокоту I, 813) с *bygyn* | *birun* ‘ползти’. Реализованы те же ономасиологические посылки, что и в рус. *ползти*, *расползаться* (о ткани), диал. (волхов., ильмен.) *расползтись* ‘сдвинуться с места (о ячее рыболовной сети)’ (СРНГ 34: 178).

lædærun (дигор.) ‘понимать, сознавать’ (Абаев П, 18). Из **fradar-* (ср. др.-инд. *pra-dhārayati* ‘сознаю, соображаю’) к и.-е. **dher-* ‘держать’. Значение ‘понимать’ очень часто развивается у глаголов с исходной семантикой ‘брать (хватать, ловить)’ (см.: Buck 1207–1208), ср. рус. *понимать* < **po(-n)-imati*, *po-eti, *po-jātq, многочисленные внеславянские параллели. В данном осетинском случае исходным для ‘понимать’ является значение ‘держать’, результативное по отношению к ‘брать’. С ним можно сопоставить рус. *держать* (за), семантически частично пересекающееся с *понимать*: имеется в виду просторечное значение ‘считать, расценивать, принимать за, трактовать в качестве’: *держать за дурака, за порядочного человека* и под. (у этого значения почему-то не слишком завидная лексико-графическая судьба: словарями оно почти не замечается); укр. *тримáти* ‘держать’ – ‘считать, почитать за что’ (Гринченко IV, 283). Семантическая модель очень широкого распространения, ср. лат. *tenēre* ‘держать’ – ‘постигать, понимать, узнавать’, франц. *tenir* ‘держать’ – ‘считать, полагать’, аналогично нем. *halten*, англ. *hold*, лит. *laikyti*, лтш. *turēt* (*Par ko jūs mani turat?* ‘За кого вы меня принимаете?’), фин. *pitää*, венг. *tartani*.

læg 1. ‘муж’, 2. ‘мужчина’, 3. ‘человек’ (Абаев П, 19). Весьма обычное соотношение значений, обнаруживающееся и в синхронии и в диахронии (в частности, при межъязыковых сравнениях) и хорошо известное, разумеется, славянским языкам. В иллюстрациях виду “классического” характера семантических “переходов” нет необходимости.

læggad | læggadæ ‘услужение’, ‘прислуживание’, ‘услуга’;... *læggadgænæg* ‘прислуживающий’, ‘слуга’ (Абаев П, 22–23). Производное от *læg* ‘человек’. Параллелей множество, как специально в славянских языках – рус. *человек* ‘слуга (мужского пола)’, ‘дворовый’ (“– Я дворовый человек господ Дубровских, – отвечал рыжий мальчик”), ‘официант’ (чаще в обращении), ст.-польск. *człowiek* ‘слуга, невольник’, чеш. *clověk* (устар.) ‘крепостной’ и проч., – так и широко за их пределами – англ. *man* ‘слуга, человек’, ‘вассал’ (истор.), нем. *Mann* ‘вассал’ (устар.), итал. *iomo* ‘слуга’, венг. *ember* ‘служящий’, якут. *кихи* ‘служитель, малый’ (ЭСТЯ 1997, 78–79) и т.д.

læguxaj | lægixaj ‘любовник’, ‘муженек’ (Абаев П, 24). Абаев переводит как ‘доля (xaj) мужа (lægý)’. В таком переводе, из-за неоднозначности слова *доля*, остается несколько неясным мотивационный

смысл целого, но экспликация семантического спектра слова *хай* ('часть', 'доля', 'отрезок', 'кусок', специально 'кусок съестного, преподносимый одним участником трапезы другому' и др., – Абаев IV, 132) позволяет уточнить, что эксплуатируется смысл 'часть, кусок' (не 'участь, судьба'). Абаев указывает на своеобразие сочетаний *хай* с формами родительного падежа названий людей и персонифицируемых явлений: *mady хай* буквально "доля [кусок] матери", *xəusawu хай, zədyy хай, zwary хай* "доля божества", *хүрү хай* "доля солнца", *wazəgү хай* "доля гостя", *хæjrægү хай* "доля черта" означают "просто 'мать', 'божество', 'солнце', 'гость', 'черт', но с оттенком особой близости" (по-видимому, расцениваемой все же не всегда положительно, поскольку в список таких "близких" сущностей входит и 'черт', а сочетание *хæjrægү хай* включается в состав ругательства). Подобные элиминации собственной семантики у слов со значением 'кусок' в их соединениях с пейоративными обозначениями людей отмечаются и в славянских языках: рус. *дурака кусок* 'дурак, бесполочь', *дуры кусок, идиота кусок, скотины кусок*³, *лентяя кусок, дурня кусок* ("прост., пренебр., презр. Довесок к отрицательной характеристики..."), с примером из беллетристики: *дезертира кусок*⁴, укр. *дурака шмат* (мои записи), польск. *kawał drama, kawał łobuza, kawał łota* и др. 'отъявленный негодяй, мерзавец, прохвост и т.д.'⁵, кашуб, *kawał djabla* о подлом человеке (буквально 'кусок дьявола') (Sychta II, 150). Здесь эффектом такого соединения оказывается усиление пейоративности. Однако, в отличие от восточнославянских языков, но подобно картине в осетинском, в польском возможны одобрительные коннотации: *kawał chłopa* (буквально 'кусок мужика') – 'здоровый (здравенный, сильный) мужик; мужик (мужчина) что надо (хоть куда)'⁶. Опираясь только на русские выражения, можно было предположить, что описанная функция существительного *кусок* развилаась в бранных словосочетаниях вроде *говна (дерьма) кусок*, в которых его присутствие прозрачно оправдывается семантически⁷; подобную фразеологию словари регистрируют неохотно, но она находит отражение в современной беллетристике, см., например, "Скажи изюм" (М., 2005, 57), "Кесарево свечение" (М., 2001, 66) Василия Аксенова. Однако осетинская и польская параллели показывают, что это предположение не очень надежно. Не исключено, что фразеологическая модель "'часть, кусок' + оценочное название человека" известна и другим языкам. К такому подозрению толкает, например, затемненное употребление слова *piece* 'кусок' в первой сцене "Гамлете": "What, is Horatio there? – A piece of him". Выражение 'кусок его' в данном случае означает 'он сам', то есть у слова 'кусок' наблюдается то же "зачеркивание" собственной лексической семантики, а значение целого совпадает со значением управляемого члена словосочетания.

læwwyn | læwwun 1. ‘стоять’..., 3. ... ‘сохраняться’, ‘не изнашиваться’ (об одежде, обуви), ‘не портиться’ (о продуктах); *læwwæn* ‘прочный’, ‘ноский’ (об одежде и пр.)... (Абаев II, 37). Оформление идеи ‘прочности, хорошей сохраняемости’ с опорой на глаголы со значением ‘стоять’ более чем обычно: рус. *стойкий, устойчивый, постоянный*, др.-инд. *sthitá* и проч., лат. *stabilis*, нем. *standfest, standhaft*, лит. *pastovūs*; венг. *állandó, állhatatos* (*állni* ‘стоять’), тур. *durmak* ‘стоять’ → ‘быть твердым, постоянным’ и мн. др.

læxigun | læxorun ‘крупно молоть’, ‘schroten’; переносно также ‘болтать вздор’ (Абаев II, 40). Ср. рус. *молоть* (*Мели, Емеля...*), укр. *молоти* ‘болтать, нести вздор’, блр. *малоцъ языком* (*Мялі, Ана-нас...*), болг. *меля* ‘пустословить’, макед. *меле* ‘молоть вздор’, с.-хорв. *млети* ‘болтать лишнее’, чеш. *mleti* ‘болтать’, словац. *mliel'* ‘болтать’, польск. *(ze)mleć w ustach* (*zębach, przez zęby*) *przekleństwa* (*słowa...*) ‘(про)цедить сквозь зубы проклятия (слова...), тихо (вы)ругаться’, кашуб. *młoc pěską, jazēką* ‘плести, болтать’ (Sychta III, 88). Метафора ‘молоть зерно’ → ‘говорить (лишнее, пустое; надоедливо; назидая, бранясь и проч.)’ высокоупотребительна: лит. *liežuviu malti* ‘молоть языком’, англ. *grind* ‘вдалбливать’, ‘зубрить’, венг. *mas malomban òröl* ‘один про Фому, другой про Ерему’ (буквально ‘молоть другой мельницей’)...

*Ixænun | ælxænun ‘покупать’; *zærdæ* *Ixænun* ‘снискать благосклонность’, ‘расположить к себе’ (“купить сердце”) (Абаев II, 49). Аналогично в русском языке: *подкупить* ‘расположить в свою пользу, вызвать симпатии’, далее *купить(ся)* ‘обмануть(ся), (дать себя) провести’ (тема “купли”, “денег” развивается во фразеологизме *принять за чистую монету*). В русском – по-видимому, семантическая калька (вопрос – с выражения в каком именно языке?), ср., например, нем. *bestechen* ‘подкупить, дать взятку’ – ‘очаровать’, *sich durch* (+ Ace.) *bestechen lassen* ‘себе очаровывать чем-либо’.

mast 1. ‘горький’, ‘горечь’... 3. ‘горе’, ‘неприятность’, ‘огорчение’, ‘гнев’, ‘злоба’ (Абаев II, 76–77). Слав. **gor'kъ(jь)* и **gor'e* (ср. их соединение в этимологической фигуре – песенном эпилете: *горе-горькая* солдатка, сиротка... *горе-горькая*, – СРНГ 7, 81) соответствительны с глаголом *gorëti, при этом глагольная семантика ‘жечь, гореть’ первична (“Родство значений ‘горе, ‘печаль’ и ‘жечь, гореть печь’ элементарно” – ЭССЯ 7, 40, 42, 52). Замечательно, что в осетинском *mast*, имеющем, по суждению Абаева, “двойкие связи”, не восходящие, однако, к семантике ‘горения’ (“Одни идут по линии значения ‘острый, неприятный вкус’...”, “Психологические значения... могли развиться на базе ар(ийского) *mad-* ‘быть в состоянии возбуждения’...”), совмещены значения ‘горе’ и ‘горький’ подобно тому, как они совмещены, но на иных ономасиологических основаниях, в славянском этимологическом гнезде.

migænæn (ирон.) ‘орудие’, ‘инструмент’, ‘сосуд’; *migænæntæ* ‘орудия’, ‘утварь’, ‘посуда’ (Абаев II, 116–117). См. в первой статье о серии (о слове *garz*)⁸.

mystraſ | mistraſ ‘имеющий мышного цвета спину (о лошади светло-гнедой масти)’ (Абаев II, 143). Отсылка к *myst* ‘мышь’ и *raſ* ‘спина’. Немного смущает, что “мышиной” названа светло-гнедая масть. Апелляция к цвету мышьей шерсти в обозначениях лошадиной (и, реже, коровьей) масти обычна для славянских языков: **tuþy(jy)*, **tuþinþ(jy)*, **mysatъ(jy)*, **mysastъ(jy)* (неполный свод межславянских соответствий см. в: ЭССЯ 21, 55–56, 63, 69), **myšistъ(jy)* (рус. диал. *мыши́стый* (СРНГ 19, 70). Как, впрочем, и для многих иных: лит. *pelé kas*, лтш. *pelēks*, англ. *mousy*, нем. *mausfarben.*, венг. *egérszürke*. Для межязыковых (в нашем случае специальных славяно-иранских) семантических сравнений связь малоинтересна. Любопытно лишь обстоятельство семантико-типологического характера: цвет шерсти мышей понимается как некая натуральная константа, к которой можно взыывать при ономатологических потребностях, тогда как лошадиные (и скоты вообще) масти вещь зыбкая, и их обозначения ономасиологически всегда вторичны, нуждаются в опоре на категории за пределами узкой собственно гипнологической семантики (насколько бы автономной ни выглядела конечная – современная – система терминологических обозначений скотых мастей в том или ином языке). Вероятно, это действие некоей культурной универсалии: близкое человеку (“оккультуренное”) трактуется как лабильное на фоне природного, отдаленного от человека и гораздо более устойчивого.

nad (дигор.) ‘дорога’, ‘тропинка’ (Абаев II, 147–148). Лексикализованное причастие от глагола *nætip* ‘быть, трамбовать’, буквально ‘утоптанный, утрамбованный’. Абаев в качестве семантических (мотивационных) аналогий приводит рус. *тропа* и *тор* (к *тропать* и *торить*). Славянские параллели семантическим связям ‘быть’ → (‘оставлять след’) → ‘утаптывать, протаптывать’ → ‘прокладывать дорогу’ → ‘колея, тропа’ могут быть расширены за счет глаголов *biti, *telkti и их производных. Ограничусь некоторыми русскими примерами: *битая* (дорога) ‘торная, накатанная’ (СлРЯ XI–XVII вв. 1, 190; Даль² I, 89; Псков, словарь 2, 15), ‘утрамбованная, утоптанная’ (Селигер 1, 44), диал. *бить* ‘насыпать дорогу, прокладывая или ремонтируя ее’ (Сл. рус. Севера 1, 116), *пробивать* ‘прокладывать (улицу), протаптывать (дорогу, тропинку)’, *след пробить, бой* ‘пробитая колея на дороге’, ‘место, где всегда большое движение транспорта или пешеходов; проезд’, *бойный* ‘торный, проезжий (о дороге)’, *бойница* ‘выбоина, глубокая колея на дороге, образующаяся осенью от колес’, (СРНГ 3, 66, 67; 32, 81), *избёина* ‘выбоина, ухаб’ (Даль II, 11), *бойная дорбга* ‘дорога, засыпанная гра-

вием [в противоположность асфальтированной]’ (Селигер I, 53), *бóйкий* ‘наезженный, укатанный’ (Псков, словарь 2, 79) [любопытна своего рода “макароническая *figura etymologica*” ст.-рус. (XVI–XVII вв.) *бити сакму / сокму* ‘прокладывать дорогу’ (СлРЯ XI–XVII вв. 1, 188): *бить* + тюркизм *сакмá* ‘колея, лесная тропа, след ноги’ – из **sok-* ‘бить’ (Фасмер III, 547)]; *утолóк* ‘утоптанное, вытоптанное место’, *утолочная* (дорога) ‘битая, торная’ (Даль IV, 521), ср. далее *убитый, утолоченный пол* и т.п. Та же мотивация просматривается в заимствовании: укр., блр. *шлях* ‘путь, дорога’ – через польск. *szlach* ‘след, колея’ из немецкого – ср.-в.-нем. *slag, slac* ‘колея, дорога’ < **slak-* ‘бить’ (нов.-в.-нем. *Schlag* ‘удар’) (см.: Фасмер IV, 457; Kluge²⁰ 652)⁹.

nælæstæg ‘мужское существо’, ‘мужчина’ (Абаев II, 167). Сложение *næl* ‘самец’, реже ‘мужчина’ и *æstæg* ‘кость’, буквально ‘мужская кость’ (ср. *sylæstæg / silæstæg* ‘женщина’ = ‘женская кость’, Абаев III, 195). Семантическое развитие ‘кость’ → ‘род, племя, порода’ → ‘социальная группа или корпорация; “сорт” людей’ [с дальнейшим синекдохиальным сдвигом: ‘некто, принадлежащий (такой-то) группе’] хорошо известно: рус. *дворянская, барская, крестьянская кость, белая кость* ‘человек знатного происхождения’, *черная, подлая кость* ‘человек незнатный, принадлежащий непривилегированному сословию’, диал. *мастеровая косточка* ‘о мастеровом человеке’ (СРНГ 15, 79); ‘Родъ татарескъ кость не наша’ (Жит. Петр. Берк. Мин. Чет. июн. 415 – СлРЯ XI–XVII вв. 7, 373). Многочисленны контексты типа ‘кость моя’ = ‘мой род, мой потомок’ в Библии (Быт 2: 23; Быт 29: 14; Суд 9: 2; 2 Цар 5: 1; 2 Цар 19: 12). Ср. польск. *kość* ‘человек’ (в библейских текстах), *psia kość!* ‘собачья кость’ → ‘черт возьми!’ (параллельно *psia krew*), нем. *elen-der Knochen* ‘негодяй, мерзавец’ (буквально ‘подлая кость’), кирг., алт. *сөөк*¹⁰ и т.д.

píxagæ, píxæg (дигор.) ‘локон на виске’ (Абаев II, 185–186). Суффиксальное производное от *píx* ‘лоб’. Случай интересен тем, что представляет собою семантическое движение ‘лоб’ → ‘ волосы, локон’, направленное в обратную сторону по сравнению с тем, что наблюдается в вост.-слав. *висcъкъ (рус. *висок*, укр. диал. *висóк*, блр. диал. *висóк*) ‘собственно висок, боковая часть черепа от уха до лба’ ← ‘ волосы на виске’. Языковые факты – распространенность диалектных значений *виски* ‘ волосы на голове’ (то есть не только ‘...на висках’), ‘ волосы на теле и голове’, ‘женские волосы’ (СРНГ 4, 295), укр. диал. *вискі* ‘ волосы вообще’, фразеологизмы вроде блр. *вискі рваць* ‘бедствовать’ (Янкова 67), но более прочего производность от *висеть* – настаивают именно на этом семасиологическом варианте (см.: Miklosich 392; Преображенский 1, 85; Фасмер I, 320; ЭСРЯ 3, 106; Черных I, 154; ЕСУМ 1, 381; ЭСБМ 2, 162). Аналогично восточ-

нославянскому анатомическому термину мотивируется название ‘виска, височной кости’ в некоторых тюркских языках: слова, родственные казах., каракалп. и др. *самай*, несут семантику ‘волосы на висках’ и, далее, ‘свисать, ниспадать’ (ЭСТЯ 2003, 185–186).

nymætk’_oy | nɪmætk’u ‘гордовина’ (разновидность калины), ‘Viburnum Lantana’ (Абаев II, 203–204). Из разных возможностей этимологической интерпретации слова Абаев выбирает отнесение к основе *nāt-* ‘влажный’ (перс. *nāt-* и проч.): “калина любит хорошо увлажненную почву”. Если объяснение найдено верно, то осетинское название калины оказывается ономасиологической параллелью славянскому **kalina* ‘растение Viburnum opulus’, выводимому из **kalъ* ‘грязь’ (в отдельных славянских языках отражается со значениями ‘лужа, топь’, ‘жидкая грязь, слякоть’, ‘осадок’, ‘дрожжи’, ‘нечистоты’ и т.д.) – “первонач. обозначение сырого места [ср. с.-хорв. *kalina* ‘грязь, размякшая земля’ (PCA IV, 772), словен. *kalina* ‘лужа’ (Pleteršnik I, 381). – А.Ж.], а уже по нему – влаголюбивого растения” (ЭССЯ 9, 121)¹¹.

nyvond | nivond ‘жертва’ (Абаев II, 214–215). «Восходит к иран. **ni-banda-*, от *band-* ‘вязать’ ...: посвятить животное божеству значило ‘связать’ его как в буквальном..., так и в переносном смысле; отсюда выражение *nyvond nybhæddyn* ‘обещать животное в жертву’, буквально ‘связать’». Понятия ‘обета’ и ‘жертвы’ соотносятся с понятием ‘обязательства, с в я з а н и о с т ью обетом / обещанием’ (в этимологическом гнезде и.-е. **bhendh-* / **bhῆdh-*, к которому относятся затронутые иранские слова, находятся, например, нем. *binden*, англ. *bind* ‘вязать, связывать’ – нем. *sich binden* ‘обязываться’, *Bindung* ‘обязательство’, англ. *bind* ‘обязывать’). Из этимологически тождественных иранских лексических фактов ср. также шугнан. *vīnd-* ‘заключать (договор)’; соединение с превербом **ni-* – хорезм. *ηβncū-* ‘克莱сться’ (← ‘связывать себя’) < **ni-bandaia-*; сложение с **banda-* во второй его части – хотаносакск. *kāmībamda-* ‘специальный дар святыне’, несмотря на находимую мотивировку этого слова в наглядных материально-культурных моментах (‘повязка на талию’) (Расторгуева – Эдельман 2, 69–70, 71, 73). Семантические отношения между осетинскими словами для ‘вязать, связывать’ и ‘жертва’ могут рассматриваться поэтому как аналогичные отношениям между слав. **vęzati* и **ob-vęzati* (> обязать).

qapp | qarraq ‘сущность’, ‘суть’, ‘ядро’, ‘косточка’, ‘testiculum’ (Абаев II, 264). Предполагается арабизм (*qalb* ‘сердце, сердцевина, нутро, ядро, центр’), при допущении контаминации с арабизмом же *app | appaq* ‘ядро, косточка’, сердцевина, содержание’ (см. Абаев I, 54). Параллель соотношению значений у осетинского слова можно видеть в связности смыслов ‘сосредоточенная суть, сущность, основание; твердое, крепкое, или самое главное, важное, сущное’ и

‘ятра, шулята в мошонке’ у рус. *ядро* (Даль IV, 673). Кроме того, Р.Ф. Брандт пытался видеть этимологическое единство слав. **j̥stъ* ‘подлинный, истинный, действительный, верный’ и **j̥sto* ‘почка; testiculus’, родит. пад. **j̥stese* (ст.-слав. *исто*, двойств. ч. *исте*, с.-хорв. диал. *jisto*, полаб. *jaista*, др.-рус., рус.-цслав. *исто*, далее аффиксальные продолжения кайк, *obistje*, словен. *obišt* ‘почка’). Эта идея была высказана повторно, но без упоминания соображений Брандта, В.В. Мартыновым. Однако если первый довольно правдоподобно предполагал базовым значение ‘внутренний, сокровенный; подлинный’ (“Мне думается, что прикладок *иста* сродни с предметницей *исто* почка, мудо, и что основное значение его было внутренний (отсюда – задушевный, доподлинный)”)¹²), то второй пытался построить тяжеловесную схему, где недоказанная отправная семантика ‘род’(!) могла конкретизироваться в анатомическом термине ‘мужские яички’ в одном случае и, через смысловую цепочку ‘того же рода, принадлежащий той же семье’ → ‘такой же, соответствующий’ породить значение ‘истинный, настоящий’ в другом¹³. Перспектив у гипотезы Брандта – Мартынова как у этимологического решения, по-видимому, нет, но допустимо думать о смысловой атракции омонимичных основ **j̥st-*_{1,2}, которая резонирует с семантико-типологическими аналогиями вроде осет. *qapp* и рус. *ядро*¹⁴.

2qarun | ḡarun ‘просачиваться’, ‘проникать’ (о жидкости; переносно: ‘влиять’, ‘оказывать действие’ (Абаев II, 268–269). Семантическое развитие в русле хорошо известной модели ‘лить, влиять’ → ‘влиять, воздействовать’. Рус. книжн. *влиять, влияние, оказывать влияние*, польск. *wpływ* считаются кальками с франц. *influence, avoir de l'influence* (Фасмер I, 327; ЭСРЯ 3, 118–119). Примеры Абаева (‘не проймешь’, ‘разобрало’ и под.) не носят книжного характера, поэтому нет специальных причин предполагать позднее русское влияние.

qep ‘стоймя’, ‘торчком’, ‘вверх ногами’ (Абаев II, 303). Абаев предлагает связать со словом *qan* ‘хан’, усмотрев развитие ‘важный’ → ‘чванный’ → ‘стоящий торчком’. С сочувствием отнесясь к этимологическим сомнениям (“может быть”) самого автора, можно все же увидеть смысловые параллели осетинскому слову в целом ряде славянских случаев. Например, в русском фразеологизме *ставить на попа*, который связан с многочисленными диалектными обозначениями прямо стоящих, торчащих предметов: твер., арханг., костр., сиб., терск. *поп* ‘прямо стоящий предмет’, моск., яросл., вят. и др. ‘верхний сноп укладки’, ‘сноп, поставленный в средине суслона’, ‘копна’ и др., зап.-рус., сев.-рус. *поп* ‘рюха для игры в городки’ (псков. и др. ‘рюха, которая, будучи сбитой с места, перекатаясь, приняла стоячее положение’, том., урал. *упасть, встать попом* ‘принять вертикальное положение, занять положение стоя’), смол.

‘кегля’, ‘кегля в вертикальном положении’ и проч. (СРНГ 29, 291–292; Словарь Карелии 5, 74). У Абаева все текстуальные примеры, иллюстрирующие употребление наречия *qen*, рисуют стоящий вертикальный камень или горные выступы; ср. в русском: отдельным значением слова *pon* в СРНГ дается мурман., арханг. ‘камень у берега моря, возвышающийся над водой’, отразившееся в микротопонимии: *Русский pon* и *Норвежский pon* (СРНГ 29, 291). По-видимому, семантическое развитие ‘социально выделенная фигура’ → ‘физически выдающийся, торчащий предмет’ можно констатировать в случаях рус. диал. *князь*, *князёк* ‘верх, гребень двускатной крыши’ (СРНГ 13, 352, 354), сев.-рус., зап.-рус. *бáрин* ‘гнойный нарыв, чирей’ (СРНГ 2, 116; Сл. рус. Севера I, 64).

qotyl | ꝑompal ‘взрослый’ (Абаев II, 309). Трактуется как местный внешний падеж от *qot* | ꝑot < *gat- ‘идти’; непосредственное значение – ‘дошедший’. Ср. ту же идею в рус. *входить в лета, войти в годы, в возраст*, диал. *войти, прийти в пору* ‘достигнуть совершеннолетия’, *выйти в парни* ‘попасть в юношество’, *выйти из годов* (с *год*) ‘стать нетрудоспособным по старости лет, состариться’, ‘переступить возраст, в котором женятся или выходят замуж’ (СРНГ 6, 266; 25, 233; 30, 33), укр. *díйти літ* ‘вырасти’, з *літ вийти* ‘быть уже не в тех годах, когда...’ (Гринченко II, 371, 372), полесск. *ўже ўходім ў діўку* ‘переступает порог половой зрелости (о девочке)’¹⁵ и мн. др. Уподобление течения времени (и, в частности, возрастных перемен) ходьбе – доождению (до), вхождению (в), выходу (из) и т.д. – относится к самым банальным языковым метафорам. Ср., например, у Абаева ниже объяснение *ragasaw* ‘заранее, заблаговременно’ из *rag* ‘рано’ и *caw* из *cæwun* ‘идти’ (Абаев II, 341), *razvælgaw* ‘заранее, заблаговременно’ из *raz* ‘впереди’ и *fælgaw* (< *pari-gaw), где *gaw* – к *gu-, *gaw- ‘идти’ (Абаев II, 357). ‘

qurasast (дигор.) ‘хриплый’ (Абаев II, 315). Сложение *qur* ‘горло’ (→ ‘голос’) и *sast* – пассивного причастия прошедшего времени от *sæddyn* | *sæddun* ‘ломать’. Ср. рус. *ломаться* (о юношеском голосе), нем. *brechen*, англ. *break* ‘ломать’ → ‘ломаться, муттировать (о голосе)’, лтш. *ir balss lūzums* ‘ломается голос’ и т.д.

qydy | ꝑudi ‘мысль’, ‘дума’ (Абаев II, 322). ‘Любопытно, – пишет Абаев, – что в осетинском ‘мысль’ (*gudi*) и ‘дело’ (*guddag*) оказываются одного корня’. Близкого свойства соприкосновение корней *mysl- и *dē(l)- нетрудно найти и в славянских языках. Например, в СлРЯ XI–XVII вв. некоторые значения слова *про-мысел-ъ* толкуются как ‘дело, занятие, деятельность’, ‘тот или иной способ осуществления действия’ (20, 171 172). Связи / противопоставления в триаде ‘мысль’ – ‘слово’ – ‘дело’, с примерами в славянских, хеттском, подробно рассматривались В.Н. Топоровым¹⁶.

q_ouna | ġuna 1. ‘мох’; 2. ‘плесень’ (Абаев II, 327–328). “Идентично с *q_oup* | ġip ‘шерсть’”. Ср. рус. *мохнатый* ‘покрытый (густой) шерстью’ при болг. *мъхнáт* ‘поросший мхом’, словен. *mahnát* ‘мшистый’ (Pleteršnik I, 542), словац. *machnatý* ‘мшистый’ (к праслав. *mъхъ ‘мох’). Вообще же лексическое отождествление ‘(зеленой) растительности’ и ‘волосяного покрова у животных и человека’ – одна из тривиальных и самых мощных семантических универсалий, причем вектор ‘шерсть, волосы’ → ‘зелень’ нагружен намного сильнее, чем противоположный¹⁷.

raǵ 1. ‘спина’; 2. ‘гребень горы’, ‘горный хребет’ (Абаев II, 343–344). Семантическая модель исключительно широкого распространения¹⁸. Видимо, именно поэтому аналогии вроде рус. *хребет*, англ. *back*, лат. *dorsum* или тюрк, *сырт* Абаевым и не упоминаются.

gæǵaw | ærgaw ‘табун’, ‘стадо’ (Абаев II, 368–370). Из *fra-gāvā, спр. парфян. *frayāw* ‘богатство, сокровище’, согд. *frayāw (*brγw*) ‘богатство’. Славянские параллели к семантической связи ‘скот’ ↔ ‘богатство’ см. в первой статье серии¹⁹ (о слове *fos* | *fons*).

gæmpaǵ, gympaǵ | gumpaǵ ‘моль’, ‘Tinea’ (Абаев II, 372–373). Как полагает Абаев, дигорская форма указывает на возможность восстановления не сохранившегося в осетинском глагола **rump-*, родственного глаголам в других индоевропейских языках: лат. *rumpo* ‘рву’, слав. *lupiti ‘обдирать’, др.-инд. *lumpati* ‘портит’ (см. также далее: Абаев II, 434–435 – *rūvyn* | *rovyn* ‘полоть’, к и.-е. **reup-* / **leup-* ‘рвать’, ‘лупить’). Сопоставление славянского глагола с латинским и древнеиндийским проводилось и А. Мейе, но у Р. Траутмана подобные сближения вызывали понятные сомнения (см.: ЭССЯ 16, 185). Но если какая-либо из этих этимологических линий применима к реконструируемому осетинскому глаголу, то мотивированность осетинского названия моли может быть сравнима с отправной семантикой славянского названия моли, которое по одной из имеющихся этимологий связано с *melti, **mel*q ‘молоть’.” Согласно... толкованию, в качестве исходного нужно считать семантический признак ‘дробящее, повреждающее (насекомое)», что обосновывается еще аналогией с с.-хорв. *griziца*, *griznica*, *grizliца* ‘моль’ (‘грызущая’) (ЭССЯ 19, 205).

ræstæg 1. ‘время’, ‘досуг’; 2. ‘погода’; ...в дигорском может означать также ‘место’: *ci ræstægi adtæj?* ‘где он был?’ (Абаев II, 377–378). Славянские параллели соотношению значений в осетинском слове находятся двоякого рода. Во-первых, приведя франц. *temps* ‘время’ → ‘погода’ (семантика унаследована: лат. *tempus*, кроме значения ‘время’, употреблялось, правда, редко, и в значении ‘погода’), Абаев не привлек славянских (и балтийских) фактов того же свойства, которые, однако, очень многочисленны. Прежде всего это этимологическая связанность слов *год* (‘время, срок’) и *погода*; ср.

рус. диал. *годына* ‘погода’, ‘хорошая погода, вёдро’, ‘плохая погода’ (СРНГ 6, 268; Сл. брян. 4, 31: “В пахмурную гадину смала у сасны лучшы”), блр. диал. *годзіна* ‘плохая погода’ (Тураўскі слоўнік 1, 209), *гудэна* ‘время, пора’ и ‘погода’ (“Ну ў гудэні: субакэ на двыры ны вэжыныш”, – Народная лексика, 74), укр. *годына* ‘час’, ‘время, пора’, ‘хорошая погода’ и ‘дождь’ (*Годына idé* ‘идет дождь’) (Гринченко I, 297), с.-хорв. *гđдина* ‘год’ – хорв. ‘погода; непогода, дождь’, словен. *gđdina* ‘год’ и ‘дождь’ (= ‘ненастная погода’) (Pleteršnik I, 225) и т.п. Далее – отражение праслав. **ver(t)mę* < *vertmen в метеорологических значениях: рус. диал. *врёмя*, *врёмечко* ‘погода, состояние атмосферы’ (Даль² I, 260; “*Врёмя* была спортифши”, – Псков. словарь 5, 44; “Нáдь бы сéно сметáть, эко *врёмя* стояло”, “Отпишы, какó у вáс *врёмя*”, “*Врёмецъко* эко хорбó постойло, на́доть постойть и дожычку”, – Арханг. словарь 6–7, 23, 27), ‘хорошая погода’ (*Время установится* ‘наступит хорошая погода’, – Новг. словарь 1, 142), укр. *верём'я* ‘хорошая погода’ (Гринченко I, 135), диал. *вéремня* (-мья, -мии, -мн'i) ‘дождь; непогода’, ‘хорошая погода’ (Онишкевич. Сл. бойк. 1, 90), болг. *врёме* ‘время’ и ‘погода’, с.-хорв. *врёме* ‘время’ и ‘погода’, словен. *vrême* ‘погода’ и др. Аналогичные семантические движения наблюдаются у слова *časъ: наряду с повсеместным значением ‘время, пора’ в западнославянских языках (в чешском, словацком, верхнелужицком, нижнелужицком, кашубском) регистрируются значения ‘погода’, ‘хорошая погода’ (ср.: ЭССЯ 4, 27–28; Sychta I, 162). Ср. также лтш. *laiks* ‘время, пора’ и ‘погода’. Во-вторых, подобно осетинскому *ræstæg*, слав. +*ver(t)mę* может передавать также пространственные значения: рус. диал. *врёмя* ‘промежуток, расстояние’ (“Сверху таки плавочки сделаны вот через тако *время*, чтоб не уходили”, “Там таки верёвочки вот через тако *время*”, – Сл. рус. Севера II, 198).

ræsuğd ‘красивый’, ‘прекрасный’ (Абаев II, 380). “Восходит к **fra-suxta-*, от основы **suk-* ‘свет-огонь’: понятие ‘красоты’ было неотделимо от понятия ‘света-огня’”. Слав. *krasa, *krasota, *krasiti, **krasivъ(jy)*, **krasivъtъ(jy)* связано с *kresati (*огнь*) ‘создавать, добывать огонь’ (см. Slavo-ossetica 1: *ænзaryn* | *ænзarun* ‘поджигать’, ‘разжигать огонь’). По соображениям О.Н. Трубачева, “семантически *krasa убедительно реконструируется как ‘цвет жизни’, откуда затем – ‘красный цвет, румянец (лица)’, ‘цветение, цвет (растений)’ и, наконец, более общее – ‘красота’” (ЭССЯ 12, 97; ср.: Slawski III, 65). Если обе этимологии справедливы, мы имеем дело с выразительной славяно-осетинской семантической параллелью.

гіх | гехæ, rexe 1. (ирон.) ‘ус’; 2. (диgor.) ‘борода’ (Абаев II, 416). Распределение значений по диалектам прямо противоположно ситуации с ирон. **бос’о** ‘борода’ | диgor. **бес’о** ‘ус’ (Абаев I, 263). Последние, как Абаев предполагал ранее²⁰, заимствованы из кабардинско-

го языка, где *rač'e* – и ‘усы’ и ‘борода’. Подобная же картина в абхазском: *a-χakъla* и *a-naçla*, *a-naçla* показывают такую же неопределенность семантики (см. еще: Шагиров II, 9). Во всех тюркских языках *sakkal имеет значение ‘борода’, но в хакасском, тувинском, сорыг-югорском и чувашском – также ‘усы’; якут, *byuk* значит ‘усы’ и ‘борода’ – на фоне значения ‘усы’ у рефлексов *buuk в прочих тюркских языках²¹. Со сходными смысловыми соотношениями мы сталкиваемся и в славянских языках. Как бы ни решалась проблема этимологии слов. *qšъ, **qsy*²², можно предположить, что лексически различные обозначения бороды и усов – явление сравнительно позднее. Смешение значений ‘борода’ и ‘усы’ в ст.-рус. *усъ*, чеш. *vousy* (точнее, синкретичное ‘волосы на лице – усы, борода, бакенбарды’), аналогично в ст.-словен. (XVIII в.) *vôsi*, *vôse* (Snoj² 831), закрепление значения ‘борода’ в полабском за *vqs* (в противовес слав. *borda, которое значения ‘усы’ не принимает) несколько напоминают семантическую ситуацию в осетинском и севернокавказских языках, которая отражает старое состояние, предшествующее последовательному разведению описываемых значений по разным лексемам.

Rujmon (дигор.) название мифического чудовища (Абаев II, 430–431). По догадке Абаева, суффиксальное (*-on*, как *ir-on* ‘осетин’, *digor-on* ‘дигорец’ и под.) производное от *Rum* ‘Рим’ (эпентетическое *j* перед сонантом закономерно). Стало быть, исходное значение – ‘римлянин’. Превращение названий чужих, обычно далеких или враждебных племен в обозначения ‘великанов’, ‘чудовищ’ характерно для многих “мифопоэтических” традиций. Сам Абаев приводит авест. *dahāka-* ‘демон’, связываемое с этническим именем *дахов* (авест. *dāha-*, др.-инд. *dāsa-*) (ср.: Mayrhofer II, 38–39), и франц. *ogre* ‘людоед’, объясняемое из этнонима *hongre* ‘венгр’. Заслуживают упоминания на этот счет хотя бы некоторые славянские примеры: рус. *исполин(ы)*, ст.-слав. *тю́мовъ* ‘великанов, исполинов’, *и́полинъ* ‘герой, богатырь’, др.-польск. *stolim*, *stofym*, *stolin*, *stwolin* ‘исполин’, кашуб, *stolem* ‘исполин’ – в связи с этническим именем *спалов* на территории Скифии; ц.-слав, *чудъ* ‘великан’ – в сравнении с названием прибалтийскофинских племен *чудь*; рус. *вёлем*, *вёлом* ‘великан’, укр. *вёлем*, *вёлетень* ‘великан’ – в сопоставлении, помимо прочего, с средневековолат. *Veletabi* – названием западнославянского племени *вильцы* в Мекленбурге, с этнонимом *Оўле́та* у Птолемея, кельтскими этнонимами с корнем **uel-*; укр. диал. *вар্যг*, *вар্যга* ‘здравяк’ – из *варяг* ‘норманн’, ср. также рус. курск. *дулён* ‘высохший и глуповатый человек; остолоп’ – от названия *дулебов*, восточнославянского племени на Волыни; рус. фолькл. *поляк* ‘удалец, богатырь (обычно иноземный)’ в олонецкой былине; лужск. (петерб.) *поляк* ‘пугало [страшило]’²³; польск. *olbrzym* ‘великан, гигант’, в.-луж. *hober* ‘великан’, чеш. *obr*, словац. *obor*, *obrín* ‘исполин,

великан', словен. *ôber* 'великан' – как отражения этнонима *авары*, др.-рус. *обре* и др. (*погибоша аки обре*), вост.-болг. (*ð*)*жидове* 'великаны', серб. диал. *џдове* то же, рум. *jidov* 'еврей', 'мифологический великан' (ср. употребление имени *иудеи* в русской книжности как рефлекс представлений об инородцах-великанах, живших в доисторические времена). Подобные же смысловые смещения испытывали названия римлян (что уж вовсе близко затронутому осетинскому слушаю): юж.-болг. *латини* 'великаны' (*латини-исполини*); греков: вост.-болг. *ёлини*, родоп. *елёне* 'исполины, великаны', юго-зап.-болг., макед. *ёлими* 'великаны' и др. Реализации модели превращения этнонимов в названия великанов, в частности, мифологических предков или чудовищ хтонического толка, распространены весьма широко²⁴.

sajtangark (дигор.) 'удод, Upira еропс' (Абаев III, 23). Сложение *sajan* и *kark*, буквально 'черт(ова) курица'. Ср. рус. *чертова курица* 'птица камышница, Gallinula chloropus [семейства пастушковых из журавлеобразных]' (Даль² II, 223; IV, 598; кстати, одно из диалектных наименований удода – *пастушка*, – СРНГ 25, 267). Но, кажется, при всей семантической отдаленности от осетинского слова с ним с достаточным основанием могут быть сопоставлены и названия вроде рус. диал. (каргр. олон.) *попова курица* 'ворона' (СРНГ 16, 128; 29, 324). Точки соприкосновения: название 'курицы' перенесено на птиц, принадлежащих иным видам (таксонам), не представляющих промыслового интереса (с жестким, невкусным мясом или отталкивающим запахом), адъективные определения – 'чертова', *попова...* – даются из сфер, не связанных с обыденностью, с житейскими стандартами, но в данном случае имеющих отношение к культу (церковный служитель) и, так сказать, "антикульту" (нечистая сила), то есть из сферы "маргинального" или даже подчеркнуто "не-своего". К этой модели, рассматриваемой в более общем плане, должны быть отнесены многочисленнейшие иронически-метафорические названия животных и растений типа *чертов табак* 'гриб дождевик' (Новг. словарь 12, 54), *попова собака* 'род гусеницы-плодожорки' (СРНГ 29, 324). Модель известна чрезвычайно широко, особенно если сюда включить и межтаксонные переносы с определениями, отсылающими к наименованиям инородцев и иноверцев, вроде полесск. [озуя *жидовская*] 'удод'²⁵, рус. диал. *жидовская коза* 'водяной паук' (СРНГ 9, 170), укр. *жидівські груши* 'физалис обыкновенный, из пасленовых', *циганська риба* 'головастик' (Гринченко I, 483; IV, 429)²⁶. Связь представлений об инородцах и нечистой силе хорошо известна²⁷.

sajyn | sajun 1. 'обманывать...'; 2. 'помутить рассудок' (о действии нечистой силы); 3. 'влечь', 'увлекать', 'завлекать...' (Абаев III, 23–24). Видя в этом глаголе продолжение иран. **sāy-*, Абаев особо подчеркивает в продолжениях и.-е. **sk'ai-* (Pokorny I, 917–918)

семантику ‘тень’ и, далее, ‘иллюзия (видение в ложном свете)’: перс. *sāyā* ‘тень’, ‘привидение, призрак’, белудж, *sāig*, *siāig* ‘тень’, ‘тенистый’, авест. *a-saya-* ‘кто не отбрасывает тени’, др.-инд. *chāyā* ‘тень’, греч. *σκιά* ‘тень’, ‘призрак усопшего’, нем. *Schein* ‘иллюзия’, *Scheinbild* ‘фантом’ и проч. Для поддержки “идеосемантики” ‘тень’ → ‘обман’ он привлекает нем. (*jemanderi*) *hinters Licht führen* ‘ заводить (кого-либо) в тень’ = ‘обманывать’ и рус. *морока* ‘мрак’: *морочить* ‘обманывать хитростью, лукавством, лживыми уверениями, обаянием’. Подобные семантические связи могли быть расширены за счет рус. *наводить тень (на плетень)*, вульг. *темнить* ‘говорить путано, стараясь скрыть истинный смысл, обмануть’, ср. еще современное *теневая экономика* и под. Абаев находит не лишенным интереса сравнение глагола *sajūn* ‘обманывать’ ← ‘бросать тень’ с другим осетинским глаголом, который развивает значение ‘обманывать’ из ‘замазывать’, – *fælivyn* (см.: Абаев I, 438). Последнему также могут быть приведены славянские семантические параллели: рус. *замазать* (4) ‘замаскировать, прикрыть неприятную истину неискренними фразами, показными действиями, притворным поведением’ (замазать недостатки) (Ушаков I, 974) или фразеологизм *замазывать глаза* ‘вводить в заблуждение, обманывать кого-либо’ (сейчас, по-видимому, малоупотребительный, о чем косвенно свидетельствуют словарные²⁸ иллюстрации только из И. Потапенки и большевистских листовок 1906 г.), укр. *замазувати очі* ‘отвлекать внимание, обманывать’ (у М. Кропивницкого: “...як ільки балачка наша дохode до краю, до діла, ви зразу починаєте замазувати мені очі чорт батька зна чим”)²⁹, блр. *замазаць недахопы* ‘замазать недостатки’, *замазаць вочы* ‘замазать глаза’³⁰.

sawlæg ‘человек низшего сословия’ (Абаев III, 46). Из *saw* ‘черный’ и *Iæg* ‘человек’. Ср. *черный народ* ‘простолюдины’ (Даль² IV, 594), *чернь*, др.-рус. *чърнии люди, чърнъ* = *чернь* ‘простой народ’ (Срезневский III, стб. 1563, 1564)³¹, укр. *чернь* ‘чернь, простой народ’, *чёрнява* ‘чернь, толпа народа’ (Гринченко IV, 458), ст.-укр. *чорные люди* ‘крестьяне, которые имели собственные земельные наделы и платили феодалу налоги и оброк’ (Словн. ст.-укр. мови 2, 547), блр. *чэрнъ* ‘чернь’, польск. (устар.) *czerń* ‘чернь, плебс, толпа’. Эта семантика любопытным образом преломилась в арготич. *negr* ‘человек, выполняющий чужую и, как правило, неквалифицированную работу; наемный работник, “раб”’. Не специфично: ср. лит. *tamsūliai* ‘чернь, простонародье’ (*tamsūs* ‘темный’), киргиз, *қара* ‘раб, невольник’ ← ‘черный’ (ЭСТЯ 1997, 286).

sawmær ‘чернозем’ (Абаев III, 47). Сложение *saw* ‘черный’ и *mær* ‘земля, почва’. Еще *saw sygut* ‘черная земля’, иногда в значении ‘чернозем’ (Абаев III, 187). Ср. рус. *чернозём*. Осет. *sawmær* – не калька ли?

sæddyn | sæddun 1. ‘ломать’, ‘ломаться’, ‘разбивать’, ‘разбиваться’, ‘рубить (древа)’, ‘нарушать’... 3. ‘признавать(ся)’, ‘сознаваться’... (Абаев III, 53–54). Удивительно, что в осетинском языке представлена та же модель семантического развития ‘разбиваться’ → ‘сознаваться’, что и русском уголовном арго: *колоться* (*кóлоть, расколо́тъ* ‘заставлять, заставить сознаться’). Пример из Коста Хетагурова и другие текстуальные иллюстрации, отсылающие к явлениям традиционной культуры, снимают подозрение в скалькованности.

sæg | saégsæ ‘коза’ (Абаев III, 58). Среди производных упоминается дигор. *sæg-lisk’æf* ‘клубника’ с этимологически неясной (см.: Абаев IV, 126–127) правой частью сложения (вряд ли связано с дигор. *k’æw* ‘vulva’). Определение с буквальной семантикой ‘козий’ или ‘козлиный’ (в виде прилагательного или определительной составляющей в словосложении) в составе фитонимов встречается весьма часто, как в славянских языках, так и в осетинском. Применительно же к ягодному растению, как в данном осетинском случае,ср. новг. *козéлье* ‘ягода ежевика’ (Новг. словарь 4, 69), *козéлья ягода*, у русских на территории Эстонии *козéлья малина* ‘ежевика’ (СРНГ 14, 60).

sæjyn | sæjun 1. ‘хворать’, ‘болеть’; 2. ‘лежать’ (обычно с пейоративным оттенком) (Абаев III, 60). Восходит к иран. **say-*, и.-е. **k’ei-* ‘лежать, покойиться’ (Pokorný I, 539). Ср. отрицательно окрашенное рус. *валяться, проваляться* (часто с опущением распространения в болезни, *больным* и под.), *свалиться* ‘заболеть’ (ср., однако, *слечь*).

særð | særðæ ‘лето’, ‘летом’ (Абаев III, 80). У иран. **sard-*, **sarad-* с преимущественным значением ‘год’ выявление внешних индоевропейских связей затруднительно. Предполагая, что первоначальным значением слова могло быть ‘жаркая пора’, ‘лето’, Абаев выдвигает сравнение с лат. *calidus* ‘жаркий’. С семантической точки зрения такое сближение могло быть поддержано, кроме недалеких кавказских примеров (скажем, абхаз, *a-pхъын* / *a-pхъны* ‘лето’ ← ← ‘время тепла’ из *a-pхъа* / *pхъа* ‘теплый’), слав. *lěto, у которого исходным значением было, согласно Гуннару Якобссону, ‘теплый, горячий’³² либо, по Вайану, с иными этимологическими связями, ‘мягкий, слабый’: ‘время, когда ослабевает холод’ (ЭССЯ 15, 10–12)³³. Славянское развитие значений от ‘лето’ к ‘год’ Абаев упоминает как возможную смысловую параллель иранской (ср. еще адигейск. и кабард. *гъэ* ‘лето’ → ‘год’, Шагиров I, 124). Но углубление в этимологию славянского *lěto делает эту семантическую аналогию полнее, захватывая и довольно похожие предшествующие эволюционные звенья.

saergæxc | saergæxcæ, særígæxcæ ‘череп’ (Абаев III, 83). Сложение *sær* ‘голова’ и *kæxc* / *kæxcæ* ‘чаша’ (= ‘чаша головы’?). Значе-

ния ‘череп; голова’ и ‘глиняный сосуд, горшок, чаша’ (→ ‘чертепок’) часто перекрециваются: лат. *testa*; лит. *kiášas* ‘чаша; череп’, лтш. *kaíss* ‘чаша; череп’; др.-инд. *kapāla* ‘блюдо, чаша; скорлупа; череп’ (см.: Buck 213–214). Ср. слав. *čergrъ ‘глиняный осколок / суд’ → ‘череп’ (в болгарском, македонском, словенском, словацком, нижнелужицком, восточнославянских) (ЭССЯ 4, 72–72), польск. *czaszka* ‘череп’ ← *czasza* ‘чаша’ [← ‘скорлупа, осколок’; см.: ЭССЯ 16, 227; в статье ЭССЯ *čaščka (4, 31) польское слово, к сожалению, не учтено], рус. диал. *чаша* ‘черепная коробка’ (Соликам. словарь 674; возможно, индивидуально-речевое: “По всей голове *чаша*, под *чашей* мозга”, но характер ассоциаций все же показателен). Точная аналогия осетинскому слову имеется в марийском языке: *вуйгорка* (луговой и восточный диалекты), *вуйгарка* (горный диалект) ‘череп’ ← *вуй* ‘голова’ + *корка* ‘чаша, ковш’ (Гордеев 2, 158).

síntoj | suntoj ‘хромой (с повреждением или вывихом бедра)’ (Абаев III, 112). От *síntæ | suntæ* – множ. ч. от *síñ | sujnæ* ‘бедро’ (о суф. *-oj* в составе слов, обозначающих анатомические аномалии, см.: Абаев III, 107³⁴). В некотором отношении аналог семантическим эффектам у глагола *iwæxsip* ‘вывихнуть’ (предположительно от *wæxsk* ‘плечо’), для которого в первой статье настоящей серии предложена русская параллель *ислечиться*. Там – ‘плечо’ → ‘вывихнуть’, здесь – ‘бедро’ → ‘хромой’. Аналог поздним деадъективам вроде *желудочный* ‘(пациент) с больным желудком’, *лёгочник*, *сердечник?* особая лексическая функция?

sion ‘рогатый’ – ‘олень’, ‘тур’, ‘серна’, ‘косуля’ (Абаев III, 112). От *sy | siwæ* ‘рог’. Ср. слав. “кентумное” *korva ‘корова’, “сатемное” *syrna ‘серна’ в связи с греч. *χέρας*; ‘рог’, авест. *çrva-(çruva-)* ‘рога’ и проч. – к и.-е. **k'ær-* ‘рог’ (Miklosich 132; ЭССЯ 11, 107; Pokorny I, 576–577); *сохатый* ‘лось’ – в связи с *soxa ‘развилина’ (→ *‘ветвистый рог’) (Фасмер III, 729).

sk'aegyn | (æ)sk'aerun 1. ‘гнать (животных)’, ‘погонять’... 2. ‘лить’ (обильно) (Абаев III, 122–123). Из значения ‘принуждать выделяться (о жидком или жидким веществе), заставлять течь’, которое передается глаголом *гнать* (например, *гнать масло, деготь, смолу, спирт*, укр. *гнати горілку*) и отражается в производных (*выгонять, выгонка, перегонка, самогон*), довольно естественно ждать появления значения ‘(заставлять) литься в чрезмерном количестве’, ср. блр. диал. *гнаць* ‘вызывать (слезы, слону, сопли...)’ (безличн.): “Слёзы гоня і галава балць”, “Як узяло гнаць слёзы”, “Нудзіць і сліну гоніць”, “З носа гоня смаркачы” (Слоўн. паўн.-захад. Беларусі 1, 455). В конце концов сюда же, возможно, имеет отношение слав. *gъnati, *goniti ‘пребывать в течке (о животном)’; ср. *гон=течка*. [Альтернативное и, кажется, преобладающее понимание слова

*gopъ ‘половое возбуждение у животных’, ‘период течки’ строит семантическую цепочку ‘гнать, заставлять двигаться’ → ‘преследовать’ → ‘охотиться, искать’ → ‘искать партнера для удовлетворения полового инстинкта’ (→ ‘спариваться, случаться’). Оно, по меньшей мере, может быть оспорено, и приведенные белорусские контексты с безличным глаголом – неплохое для этого основание. Стоит обратить внимание на грамматику выражений вроде *у нерпы происходит гонка* (СРНГ 7, 7). О том, что речь прежде всего о самке (и лишь потом – о стае, популяции, но не о самцах!), свидетельствуют выражения вроде *гонная сука* (там же) = ‘течная’, укр. *гоніця* ‘корова во время течки’ → ‘сладострастная женщина’ (Гринченко I, 308), не находящее корреляции с *гонецъ*, *гінець* в значениях *‘бык’ → *‘похотливый мужчина’.] За пределами славянских языков можно отметить лат. *sputus (in) ore agere* ‘испускать (= гнать) ртом пену’, *lacrimas concitare* ‘вызывать (= гнать) слезы’.

styg | æstug ‘клок’, ‘кудря’, ‘локон’, ‘челка’; *mīg styg | megi stug* ‘клок тучи’, ‘облачко’... (Абаев III, 156). “...вообще облака уподоблялись волосам и шкурам животных”³⁵. Кроме банальных выражений вроде *космы облаков* и многочисленных сравнений облаков с волосами в поэзии (в русской – особенно у Есенина), ср. арханг. *волосán* ‘туча, облако удлиненной формы’ (Арханг. словарь 5, 52); сызран. самар. *косицы* ‘облака вытянутой формы’, рыбин., яросл. *косичка* ‘тонкие вытянутые облака’: “На небе *косицы* ходят, облачка длинные – к дождю” (СРНГ 15, 53, 54).

st’ælfæn | (æ)st’ælfæn ‘искра’ (Абаев III, 162–163). Производное от глагола *st’ælfyn* ‘отскакивать’, буквально ‘отскок’. Это осетинское слово уже рассматривалось как семантическая параллель при доказательстве принадлежности слав. *jьskra гнезду и.-е. *(s)ker- ‘резать, отделять’³⁶; прежние этимологии опирались на представление о светимости, ярости летящей частицы и прощупывали связи – очевиднейше неприемлемые! – с *ясный*, укр. *яскравий*. Развитие значений ‘обломок’ → ‘осколок, отскочившая, отлетевшая частица’ → ‘раскаленная частица’ → ‘искра’ (а слав. **jьskr-* даёт множество значений, сводимых к семантическому ‘инварианту’ ‘осколок, обломок’ – б е з смыслового компонента ‘яркий, блестящий’: ‘соринка’, ‘хлебная крошка’, ‘кусочек древесной коры’, ‘обломок зуба’ и под.) иллюстрируется, кроме того, такими славянскими примерами, как рус. диал. *трескá* ‘искра, блестка, окалина от ковки’ (ср. *трескá* ‘щепка’, укр. *тріска*, болг. *трескá* то же, чеш. *tříska* ‘заноза’, множ. ‘щепки’, в.-луж. *třěska* ‘щепка; осколок’, польск. *trzaska* ‘щепка’...), влад., новг. *йверье* ‘искры’ (ср. олон. *йверье* ‘щепки’; другие значения продолжений праслав. **jьver-* – ‘осколок, кусок, обрубок’, ‘стружка, лучина’, ‘черепок’, ‘лоскут’,

‘комок земли, вылетающий из под копыт скачущей лошади’, ‘щербина, трещина’). Внеславянские параллели, из которых особенно убедительными кажутся картвельские, см. в указанной статье. Осетинский пример был бы уместен как семантический аргумент в версии В. Махека, развивавшего идею о слав. **jyskra* как д е р - б а т и в е со значением ‘вылетевшая, отлетевшая’ (см.: Macheck² 227, 433). Нельзя ли постулированную связь слав. **jyskra* с и.-е. *(*s)ker-* ‘резать’ поддержать, кроме того, сближением татар. қыпқын ‘искра’ с глаголом қып- ‘резать, стричь’ (о котором см.: ЭСТЯ 2000, 224)?

sūcca (ирон.) ‘вспыльчивый’, ‘запальчивый’ (Абаев III, 164). “Названия аффектов и эмоций оказываются нередко дериватами (обозначений) огня; *sūcca* происходит от *sūzup* ‘гореть’, ‘жечь’, так же как, скажем, рус. *пылкий* от *пылать*”. Эта образность распространена чрезвычайно широко. Из славянских примеровср. еще, например, укр. диал. *вогнюватий* ‘пылкий, страстный’, *палкий* ‘вспыльчивый, горячий’, ‘пылкий’ (Гринченко 1, 246; 3, 89), словен. *ognjevít* ‘вспыльчивый’; рус. диал. (ворон.) *один с огнем, другой с польмем* о вспыльчивых супругах (СРНГ 29, 176), с.-хорв. *он је ватра жива* ‘он горячий человек’ (Толстой 47) (*vatra* – ‘огонь, пламя’).

sūzup | *sosuzup* 1. ‘жечь’...; 2. (ирон.) ‘гореть’ (Абаев III, 165). К иран. **sauk-* то же. Сюда же *sīzag* ‘жгучий’, ‘го рь к и й’ – подобно слав. **gor'kъ(jy)* ← **gorēti*, рус. жгучий (вкус) ← жечь. См. также выше – о *mast*. Переход тривиален.

sūg | *sog* ‘древа’, ‘полено’ (Абаев III, 167–168). Восходит к иран. **sauka-* ‘пламя, огонь’ (→ ‘горючее, топливо’). Даже удивительно, что приведя в качестве семантической аналогии отношения между этимологически родственными греч. αἴθος; ‘пламя, жар’ и др.-инд. *ēddhas* ‘древа’, Абаев не обратил внимание на слав. **polēno* – производное от **polēti* ‘гореть, пылать’ (далее *пылать, пламя...*).

sūsæn (*sūsæny mæj*) | *sosæn* (*sosæni mæjæ*) название летнего месяца, соответствующего примерно июлю христианского календаря (Абаев III, 174–175). Буквально ‘сухой, засушливый (месяц)’: к иран. **saūšana-*,ср. др.-инд. *śoṣana-* ‘сухость’, ‘сушь, засуха’ и т.д., до слав. **sux-*. Среди славянских диалектных названий месяцев тоже есть имена с такой мотивацией: укр. *сухий*, блр. *сухий*, болг. *сухи*, серб. *сухи*, *сушац*, хорв. *sušak*, *sušec*, словен. *sišec* (южнославянско-восточно-нославянская семантическая изоглосса), но, в отличие от осетинского календаря, это исключительно названия марта³⁷.

syf | *sifæ* ‘лист’ (Абаев III, 183). В числе устойчивых сочетаний упоминается *dügy syf* ‘подорожник, *Plantago*’, где определение – производное от *düg* ‘скачки, бег’ (Абаев I, 373–373; сближение здесь последнего с тюрк. *йөө* ‘погребальный обряд’, поддержанное в ЭСТЯ 1989, 207, объясняется тем, что конные ристалища у мно-

гих восточных народов составляли существенную часть похоронных церемоний). В качестве семантической параллели можно привлечь рус. *конотоп* перм. ‘растение *Plantago media et major* L.; подорожник средний и большой’, ср.-урал., уфим. ‘растение *Plantago maxima* Ait., семейства подорожниковых; подорожник наибольший’, арханг., урал., том. ‘растение *Polygonum aviculare* L., семейства гречишных; горец птичий, спорыш, гусятница, буркун’, перм., свердл. *конотопка* ‘подорожник’ (СРНГ 14, 268), ср.-урал. *конотопок*, *конопот* ‘подорожник’, *конетоп* ‘трава, растущая вдоль дорог’, *конутоп* ‘травянистое растение с мелкими листьями’, *конотопъ* ‘свекольная ботва’ (семантическая девиация) (Сл. Сред. Урала. Доп., 243, 245); блр. диал. *канатбржнік* ‘чернобыльник’ (Слоўн. паўн.-заход. Бела-русы 2, 395: “Канаторжнік на міжах расцець...”) – сложение **konъ* и **tъrgati*, рус. *тёргать* ‘теребить’ (Даль² IV, 418), связанного далее с **tъrzati*, *терзать*. Менее ясна возможность сравнения с многочисленными названиями травянистых растений с корнем **korut-* (в том числе для упомянутого *Polygonum aviculare*): они основываются, по-видимому, не на произрастании этих трав при дорогах, которые топчутся лошадьми, а на внешнем сходстве листа с конским копытом.

sygdæg | sugdæg ‘чистый’, ‘один (одни) только’, ‘настоящий’, ‘святой’ (Абаев III, 188–189). Все эти значения известны у продолжений слав. **čistъ(jy)* (см. хотя бы сводку значений у рефлексов этого прилагательного в отдельных славянских языках – SP II, 212–214), в частности в русском языке (к ‘святой’ ср. *Чистейший во плоти* = Христос; далее в противопоставлении *чистая* : *нечистая сила* и проч.). При восхождении семантики заголовочного слова к первоначальному значению ‘жечь, гореть’ (иран. **sauk-*) любопытны некоторые семантические ответвления в осетинском и других иранских языках: “Пам⟨ир⟩. ишк⟨ашим⟩. *sūjdič* ‘жидкий’ (о пище)... следует, быть может, понимать “процеженный” и сблизить с ос⟨ет⟩. *sygdæg*, а по значению в особенности с ос⟨ет⟩. *færsgudyn* ‘процеживать’, *færsgyd* ‘процеженный’” (Абаев III, 189). Они представляют интерес как переклички с семантической историей и этимологическими связями славянского прилагательного **čistъ(jy)*: последнему родственno лит. *skýtas* ‘жидкий’, а внутри славянского словаря – **cěditi* ‘цедить’ (см.: Фасмер IV, 366; ЭССЯ 4, 122; 3, 175; SP II, 215). Достаточно близкую аналогию славянскому смысловому развитию ‘чистый’ ← ‘процеженный’ представляет семантическая история нем. *rein*: ‘чистый’ ← ‘просеянный через сито’ (Kluge²⁰ 593).

syk'ažæf (ирон.) ‘слегка подвыпивший’, ‘слегка захмелевший’ (Абаев III, 192). Сложение *syk'a* ‘рог, ритон’ с *-žæf* от *cævun* ‘бить, ударять’, буквально ‘задетый рогом (для питья)’. Эта же глагольная семантика просвечивает в рус. *стукнуть* “разг. фам.” ‘выпить’

(Ушаков IV, 571; сейчас, кажется, уже не слышно), *вдарить, тяпнуть, хлобыстнуть*, несколько далее в эвфемизме *приложиться* ‘выпить хмельного’ (смысловой признак ‘немного’ не носит обязательного характера: ср. *Хорошо вчера приложились*).

**Указатель семантических моделей,
рассмотренных в серии “Из наблюдений...
(slavo-ossetica)” (статьи 1, 2)**

Римские и арабские цифры указывают соответственно том и страницы “Историко-этимологического словаря осетинского языка” Абаева.

‘Бедро’ → ‘хромой’ III: 112. ‘Без лица, лба, глаз’ → ‘бесстыдный’ I: 107. ‘Бить’ → ‘дорога, тропа’ II: 147. ‘Божество’ → ‘оспа’ I: 401. ‘Борода / усы’ → → ‘борода’ : ‘усы’ I: 263, II: 416. ‘Вместе’ + ‘возраст’ → ‘сверстник’ I: 134. ‘Вода, водяной’ → ‘волдырь, мозоль’ I: 368. ‘Волосы’ ↔ ‘лоб’ II: 185. ‘Волосы’ → ‘облако’ III: 156. ‘Волосы, шерсть’ ↔ ‘зеленая растительность; мох’ II: 327. ‘Время’ → ‘место’, ‘расстояние’ II: 377. ‘Время’ → ‘(плохая / хорошая) погода’ II: 377. ‘Втекать’ / ‘вливать’ → ‘испытывать воздействие’ / ‘оказывать воздействие’ II: 268. ‘Вытаптываться лошадьми’ → ‘подорожник’ III: 183. Гнать’ → → ‘льть’ III: 122. ‘Гореть’ → ‘горький’ III: 165. ‘Гореть’ → ‘полено, дрова’ III: 167. ‘Горький’ → названия отрицательных эмоций II: 79. ‘Горячий’ → ‘проворный, быстрый’ I: 324. ‘Грязь’ → ‘экскременты’ I: 282. ‘Грязь’ → ‘калина’ II: 203. Губа’ → ‘берег’; ‘залив, устье’ I: 277. ‘Держать в руках’ → ‘управлять, осуществлять власть’ I: 126. ‘Держать’ → ‘трактовать, полагать, считать’ II: 18. ‘Добывать огонь’ → ‘красивый’ II: 380. ‘Добыча’ ↔ ‘имущество, богатство’ ↔ ‘стадо, скот’ I: 478, II: 368. ‘Домашнее животное’ → ‘матица; гребень крыши’ I: 94. ‘Дым’ / ‘бездымный’ → ‘жилье’ / ‘нежилой’ I: 194. ‘Желтый’ → ‘оловей’ I: 269. ‘Живой’ / ‘оживлять’ → ‘горящий’ / ‘разжигать’ I: 158. ‘Живой’ → ‘быстрый’ I: 302. ‘Животное (домашнее)’ → ‘матичная балка, гребень крыши’ I: 94. ‘Жидкая грязь’ → ‘калина’ II: 203. ‘Зерно’ → ‘бурункул’, ‘воспаление века’ I: 587. ‘Зло’ + ‘делающий’ → → ‘злодей’ I: 492. ‘Змея’ ↔ ‘червь’ I: 569. ‘Идти’ → ‘взрослый’ II: 309. ‘Измельчать, рвать, грызть’ → ‘моль’ II: 372. ‘Инородец’ → ‘мифическое чудовище, великан’ II: 430. ‘Испытавший воздействие огня’ → ‘обладающий на- выком, опытный, ловкий’ I: 214. ‘Квохчущая’ → ‘высиживающая яйца или во- дящая птенцов, наседка’ I: 653. ‘Козий’ – видовое определение при названии ягоды III: 58. ‘Конечность’ → ‘ветвь, сук’ I: 313. ‘Кость’ → ‘племя, порода’ → ‘корпорация’ II: 167. ‘Кусок’ + оценочное название человека → оценочное название человека [‘кусок’ = ‘θ’] II: 24. ‘Лежать’ → ‘болеть’ III: 60. ‘Лить(ся)’ → ‘испытывать половое возбуждение (о животном)’ III: 122. ‘Ловить’ → ‘створаживаться, застывать’ I: 93, II: 14, II: 406. ‘Локоть’ → ‘мера длины’ I: 129. ‘Ломать’ → ‘хрип- лый’ II: 315. (‘Небесный’ +) ‘лук [оружие]’ → ‘радуга’ I: 71. ‘Мазать’ → ‘обма- нывать’ III: 23. ‘Молоть’ → ‘говорить (пустое)’ II: 40. ‘Муж’ ↔ ‘мужчина’ ↔ ‘че- ловек’ II: 19. ‘Мусор’ → ‘экскременты’ I: 282. ‘Мысль’ → ‘дело’ II: 322. ‘Мыши- ный’ → название масти лошадей II: 143. ‘Не посмотрев’ → ‘необдуманно’ I: 105. ‘Низ’, ‘нижний, внизу’ → аффикс со значением малой интенсивности I: 278. ‘Огонь’ → ‘вспыльчивый’ III: 164. ‘Огонь’ → ‘кожная болезнь’, ‘демон кожной болезни’ I: 182. ‘Огонь’, ‘обожженный’ → ‘обладающий навыком, опыт- ный, ловкий’ I: 214. ‘Орудие’ → ‘оружие’ → ‘сосуд [вместилище]’ I: 508. ‘Оско-

лок' → 'искра' III: 162. 'Осколок сосуда' → 'череп' III: 83. 'Падать' → 'заходить за горизонт (о светиле)' I: 115. 'Печь' → 'домашний дух-покровитель' I: 270. 'Плечо' → 'вывих' I: 559. 'Покупать' → 'обманывать' II: 49. 'Пол' ↔ 'потолок' I: 289. 'Ползти' → 'расходиться (о ткани)', 'ссадина' II: 14. 'Полотенце для рук' → 'платок, тканевое украшение' I: 644. 'Пояс' → 'радуга' I: 72. 'Разбиваться' → 'сознаваться, признаваться' III: 53. 'Размалывать' → 'говорить (пустое)' II: 40. 'Рвать, грызть' → 'моль' II: 372. 'Рогатый' → название животного III: 112. 'Ручное полотенце' → 'платок, тканевое украшение' I: 644. 'Рот' → 'берег'; 'залив, устье' I: 277. 'Рот, горло, пасть' → 'жерло ружья', 'отверстие сосуда' I: 408. 'Связывать' → 'обещать' I: 214. 'Сильное животное (бык, лошадь)' → эпитет властителя I: 112. 'След' → 'потомство' I: 192. 'Слепой' + 'мышь' → 'крот' I: 611. 'Смотреть в рот' → 'слушать(ся), быть подобострастным' I: 598. 'Совместно' + 'возраст' → 'сверстник, одногодка' I: 134. 'Со скрученной, сжатой передней частью морды (носом, губой)' → 'укрошенный' [животное] → 'управляемый, подчиненный' [человек] I: 261. 'Сосуд', 'осколок' → 'череп', 'голова' III: 83. Название социально выделенной персоны → 'стоймя, торчком' II: 303. 'Спина' → 'горный хребет' II: 343. 'Стоять' → '(быть) прочным' II: 37. 'Стучать' → 'доносить, наушничать' I: 298. 'Сухой' → название месяца III: 174. 'Сыпать(ся)' ↔ 'лить(ся)' I: 536, 561, 578. 'Тень, мрак' → 'обманывать' III: 23. 'Теплый' → 'лето' → 'год' III: 80. 'Testiculi' ↔ 'сущность, истина' II: 264. 'Трава' → название весеннего месяца I: 582. 'Трогать' → 'пускать(ся) в путь' I: 34. 'Тянуть, растягивать' → 'мера длины, пядь' I: 553. 'Ударить' → 'выпить хмельного' III: 192. 'Фундамент' → 'домашний дух-покровитель' I: 270. 'Хватать' → 'створаживаться, застывать' I: 93, II: 14, II: 406. 'Цвести' / 'цветение' → 'покрываться сыпью' / 'сыпь' I: 416. 'Часть, кусок' + оценочное название человека → оценочное название человека ['кусок' = 'θ] II: 24. 'Человек' → 'слуга' II: 22. 'Челюсть' → 'сани', 'полозья' I: 397. 'Черный / -ые' + 'человек / люди' → 'плебей / простонародье' III: 46. 'Черный' + 'земля' → 'чернозем' III: 47. 'Чертов' + + 'курица' → название иной птицы (не 'курицы') III: 23. 'Чистый' → 'один только'; ... → 'настоящий'; ... → 'святой' III: 188. 'Чистый' ← 'процеженный', 'просеянный' III: 188. 'Шея' → 'перевал' I: 108. 'Этот' + 'день' → 'сегодня' I: 24. 'Ячмень' → 'воспаление века' I: 587. Прилагательное/наречие с негативной коннотацией → 'очень' (Magn) I: 489. Слияние имен "парных" святых в обозначение единого персонажа I: 440.

Примечания

- ¹ Журавлев А.Ф. Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-ossetica). 1 // В печати.
- ² Там же.
- ³ Журавлев А.Ф. Материалы к Жиздринскому словарю // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII). М., 2004.
- ⁴ Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003, 378.
- ⁵ Гюлумянц К. Польско-русский фразеологический словарь. I. Минск, 2004, 516.
- ⁶ Там же.
- ⁷ По соображениям Ж.Ж. Варбот (устно), на это может указывать и приведенное польск. *drań*, у соответствий которому (рус. *дрянь*) регистрируются значения 'кал, навоз', 'нечистота, гной', ср. также родственное *дер(ъ)мо*. И все же связь с семантикой 'исправления' у польск. *dran* не на поверхности.

- ⁸ Журавлев А.Ф. Из наблюдений... (1).
- ⁹ О моделях наименования дорог в славянских языках см.: Куркина Л.В. Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках // Этимология. 1968. М., 1971; Коломиец В.Т. Названия дорог в индоевропейских языках // Этимология. 1984. М., 1986; Щитова О.Г. Шлях: семантический аспект этимологии // Этимологические исследования. 6. Екатеринбург, 1996.
- ¹⁰ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997, 261.
- ¹¹ Ср.: Macheck V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, 222; Macheck² 236; Śląski II, 30; БЕР II, 169; ЕСУМ 2, 350.
- ¹² Брандт Р.Ф. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича // Русский филологический вестник. XXII. Варшава, 1889, 134.
- ¹³ Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. (К проблеме прародины славян). Минск, 1963: 124–125.
- ¹⁴ Подробнее см. в моей статье “По поводу истины” // Studia etymologica Brunensis (в печати).
- ¹⁵ Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001, 143.
- ¹⁶ Топоров В.Н. К этимологии слав. *mysl'* // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963.
- ¹⁷ Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева “Поэтические воззрения славян на природу”. М., 2005, 101–106.
- ¹⁸ См.: Мурзаев Э.М. Анатомическая лексика в народной географической терминологии // Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974.
- ¹⁹ Журавлев А.Ф. Из наблюдений... (1).
- ²⁰ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л., 1949, 315; ср.: Б.Х. Балкаров. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965, 36.
- ²¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика... 222, 223.
- ²² См.: Трубачев О.Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология. 1970. М., 1972, 13–14; Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд. М., 2003, 219; ср. прежнюю этимологию в: Фасмер IV, 169–170; Черных II, 293–294; БЕР I, 214–215; Macheck² 697; Lehr-Saławiński – Polański (6), 1042; Pokorny I, 1148; Mažiulis 4, 220; Frisk I, 730.
- ²³ Сомнения в уместности привлечения сюда слова *поляк* ‘пугало’ может поселять укр. *поліака* ‘всеобщий испуг, паника’ (Гринченко III, 292), производное от *лякati* ‘пугать’. Однако, имея в виду распространение глагола *лякáť* в этом значении в русских говорах только Брянчины и Смоленчины (СРНГ 17, 272), близость лужского и украинского слов следует счесть словообразовательным курьезом.
- ²⁴ Ср.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. II. М., 1994, 456. Подробно, с литературой, см.: Журавлев А.Ф. Язык и миф..., 545–548.
- ²⁵ Никончук Н.В. Полесские названия птиц // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968, 450.
- ²⁶ Многочисленные примеры из чешской диалектной фитонимии см. в: Hladká Zd. Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. K sémantickému tvorění lexikálních jednotek v nářečích. Brno, 2000.

- ²⁷ См.: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. 2. М., 1999, 416–417.
- ²⁸ Фразеологический словарь русского языка. Изд. 4. М., 1986, 167.
- ²⁹ Фразеологічний словник української мови. 1. Київ, 1993, 311.
- ³⁰ Беларуска-рускі слоўнік. 1. Мінск, 1988, 453.
- ³¹ Ср.: Ключевский В.О. Сочинения. 6. М., 1959, 159.
- ³² Jacobsson G. Le nom de temps *leto* dans les langues slaves. Uppsala, 1947; Jacobsson G. Polysemie und semantische Struktur. Betrachtungen anlässlich des slavischen Wortes *leto* // Scando-Slavica VI, 1960, 185–195.
- ³³ Ср.: А(никин) А.(Е). Лéто // Новое в русской этимологии I. М., 2003, 133–135; там же основная литература.
- ³⁴ См. также: Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959, § 184.
- ³⁵ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения... I, 645.
- ³⁶ См.: Журавлев А.Ф. Слав. *jiskra. Рус. искрометный // Этимология. 1986–1987. М., 1989, 79–81.
- ³⁷ Славянские древности... 3. М., 2004, 238–240.

Л.В. Куркина

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Слав. *-*šelpati*

Внимания этимологов не привлекала засвидетельствованная на территории восточных славян группа однокоренных префиксальных глаголов с общим значением ‘понять, выяснить’ – русск. диал. *расшелопáть* ‘понять, разобрать’ (ворон., СРНГ 34, 323), укр. *роздолопати* ‘сообразить, понять, смекнуть’ (Гринченко IV, 63), диал. *рошишолóпам* ‘понять, раскумекать’¹, бlr. *расшалбáць* ‘раскумекать’ (Блр.-русск.), ‘раскусить, выяснить’ (Байкоў-Некраш. 276), диал. *рысшалбóпца* ‘разобраться’ (Бялькевіч 396). Экспрессивно окрашенный глагол в простой форме без префикса *шалбáць* ‘понимать, разбираться в каких-л. делах’, отмеченный в северо-западных говорах Белоруссии (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 5, 454), является отражением глагола, слабо засвидетельствованного в несвязанном виде, с исходной формой *šelpati.

Причина невнимания этимологов к этой группе лексики, возможно, кроется в формальной близости с гл. *šlepati, который, вне всякого сомнения, относится к звукоподражательным образованием. В словаре В.И. Даля слова с корнем *шелеп-* включены в гнездо звукоподражательного *шлеп-*, а это означает, что *шелеп-* определяется как вариант с развитием ложного полногласия. Такому понима-